

КОЛЛЕКЦИЯ СОВРЕМЕННОЙ ПРОЗЫ

Елена Шапран

Морозова
и другие

18+

Елена Валентиновна Шапран Морозова и другие

Серия «Коллекция современной прозы»

Текст предоставлен издательством

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=48635610

Морозова и другие: Интернациональный Союз писателей; Москва; 2019

ISBN 978-5-00153-008-4

Аннотация

Если вас спросят, любите ли вы фантастику, вы наверняка ответите – конечно! При этом под фантастикой вы будете подразумевать всё: и мистические рассказы, и приключения героев в волшебных мирах, и эпопеи про космических монстров, и напичканные супертехникой цивилизации будущего. И сказки. Да-да, именно сказки. Ведь мы зачитывались сказками в детстве. А там все было просто: и обычные люди, и обычные бытовые ситуации, и вокруг всё такое знакомое. И вдруг раз! Чудо! И мы искренне верили в это чудо. И теперь, чем старше мы становимся, тем больше чудес нам хочется.

Поэтому если вы уже выросли, но по-прежнему любите сказки, эта книга для вас.

Содержание

Морозова и другие	7
Сказка о последнем желании	50
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Елена Шапран

Морозова и другие

© Елена Шапран, 2019

© Интернациональный Союз писателей, 2019

* * *

Шапран Елена Валентиновна родилась в городе Макеевке Донецкой области (Украина).

Окончила Донецкий политехнический институт (теперь это университет) в 1987 году. По образованию инженер-энергетик. В институте играла в КВН и неожиданно для себя стала автором Студенческого театра эстрадных миниатюр.

После окончания института преподавала электротехнику в ПТУ, но вскоре перешла в ПАО «Донбассэнерго» инженером по эксплуатации электротехнического оборудования и работаю на этом предприятии уже 25 лет. За 25 лет я много чего написала в стол. Все, что пишу, называю «картины в прозе». Вот есть стихи в прозе, а у меня картины.

Из Донецка была вынуждена выехать в связи с последними событиями в Украине. Сейчас живу в небольшом городке Николаевке Славянского района и работаю на электростанции.

Именно здесь литература стала частью моей жизни. Теперь блокнот постоянно ношу с собой и описываю все, что вижу вокруг: пейзажи, житейские ситуации и, главное, людей. Именно люди и общение с ними помогают мне преодолевать трудности.

Морозова и другие

Вот помню в детстве, еще на бабушкиной видеокассете, я смотрела мультфильм про пионера Петю. Петя заблудился в кинотеатре и случайно попал прямо в сказку «Красная шапочка». Дети, сидящие в кинотеатре, видели, как он пытался всех спасти, и очень за него переживали. Потом Петя волшебным образом вернулся из сказки и довольный пошел домой.

А еще помню, смотрела какой-то вестерн. Там чокнутый ковбой любил палить из кольта куда попало. Когда он стрелял, его показывали крупным планом, и было полное ощущение, что он целится в зрительный зал. И однажды из экрана все-таки вылетела пуля, и один зритель был убит. На место происшествия прибыл полицейский. Сначала он ничего не мог понять. Но когда во время другого сеанса снова был убит зритель, сидящий на том же месте, он начал догадываться, что стреляют из экрана. Потом весь фильм полицейский ловил этого ковбоя, который на коне выпрыгнул из своего вестерна в реальный мир и скакал по городу, выискивая новых жертв. Чем закончился фильм, забыла. Но по закону жанра полицейский должен был раскрыть преступление.

А еще был фильм «Плезантвилль». Там было наоборот. Когда поломался дистанционный пульт, юноша и его сестра попали в телевизор и стали героями черно-белого сериала. Их

присутствие в этом сериальном мире постепенно раскрашивало всех персонажей. Обратно они вернулись, когда кто-то починил пульт, но сериал к тому времени уже стал цветным.

Для чего это я вам рассказываю? Вот столько случаев было, а ведь никто так и не оставил инструкций, как же обратно возвращаться. Так это же кино, скажете вы, и в реальной жизни никто никуда не попадает. Сама так думала.

Короче, попала я...

Я бежала на урок по хоровому дирижированию и повторяла основные компоненты трехдольной сетки. Для этого я поочередно взмахивала то правой, то левой рукой. Мой педагог, Ольга Маркисовна, говорила, что на начальном этапе каждая доля осознается в отдельности. Затем доли объединяются в такт. А дальше музыкальное сопровождение будет способствовать выработке непрерывных пластичных движений.

Не получались у меня непрерывные пластичные движения. Никак мне не удавалось подчеркивать сильную долю равномерным движением длительностей. Дирижировала я суетливо и рвано. А с четырехдольной схемой у меня вообще беда. Четвертую затактовую долю нужно вести запястьем и еще необходимо следить за тем, чтобы «точка» первой доли находилась между «точками» второй и третьей доли, в равном от них удалении. В противном случае четырехдольная схема превращается в две двухдольные. Что же я буду делать со сложными размерами, если никак не могу осилить трех-

дольную схему?

– Морозова! – окликнул меня сокурсник Пашка Белинский. – Чего это ты крыльями машешь?

– Не получается. – Я остановилась и взмахнула правой рукой.

– Что не получается?

– Правильные дирижерские жесты. Меня оркестранты побьют, если я так буду руководить.

– Да ты на них как зыркнешь своими глазищами, сразу заиграют как миленькие! – засмеялся Пашка и показал коричневый длинный футляр. – Смотри, какая у меня палочка!

На футляре были выгравированы позолоченные буквы «Mozel». Палочка фирменная, деревянная и наверняка дорогая. Я скривила губы:

– Мне такая не нужна. Я не собираюсь руководить оркестром. А хоровые дирижеры палочки не используют.

– Хоровое пение сейчас не в моде, – сказал Пашка. – В любой опере хор работает с оркестром и дирижером. А в некоторых операх хористы вообще собираются в оркестровой яме.

– Ну есть же отдельные произведения для хора.

– Морозова! Все уже спето-перепето, – сказал Пашка и побежал вперед. – Давай подтягивай свою мануальную технику.

Я показала Пашке язык и снова повторила движения трехдольной схемы. Получилось уже гораздо лучше.

Наш предмет называется «Дирижирование и чтение хороших партитур». Вот с чтением хоровых партитур у меня проблем не было. Я легко ориентировалась даже в самых сложных. Зрительно сразу охватывала сразу все нотные строки, и у меня не возникал вопрос распределения нотного стана между правой и левой рукой: сопрано и тенора – правая, альты и басы – левая. Полифонию я тоже любила. Там, чтобы подчеркнуть основную тему, можно дирижировать той рукой, какой удобно.

А вообще у меня есть мечта. Хочу написать оперу без оркестра. Вот только солисты и большой смешанный хор. Ну, пару барабанов, может.

Когда я озвучила это Пашке, он покрутил пальцем возле виска:

– Морозова! Ты что, хочешь переворот в музыке сделать и создать новый жанр?

– Я бы смогла написать такое, – ответила я. – Мне бы сюжет для либретто найти.

– Морозова! Прекрати дурью маяться! – махнул рукой на меня Пашка и убежал.

Вообще-то меня зовут Фёкла. Не знаю, кому из родителей пришла в голову такая счастливая мысль, но я терпеть не могу свое имя. Как говорит моя подруга Светка, «терпеть ненавижу».

– Фёкла-свёкла! – только и слышала я в детстве и еле успевала раздавать тумаки.

Поэтому теперь на вопрос, как меня зовут, я отвечаю:

– Морозова!

– А имя? – спрашивают.

– Морозова! – резко отвечаю я. – И все!

Вскоре все привыкли, и даже преподаватели консерватории обращались ко мне не иначе как Морозова.

Своей идеей создания оперы без оркестра я поделилась и с Ольгой Маркисовной.

– Я о таком никогда не слышала, – сказала она.

– А «Страсти» Баха? – сказала я.

– Ну это ведь не опера. И там все равно оркестр постепенно начинает играть равную роль с певцами. Или в ораториях и хоровых концертах хор – это действующий музыкально-драматическим персонаж. Я не представляю себе, чтобы не было музыкальных инструментов.

– В моей опере хор будет инструментом, который аккомпанирует солистам, – начала возражать я. – Хор будет действующим лицом, действующим... сверхличностным началом и самостоятельной ключевой музыкальной партией! Я хочу, чтобы у меня был и сюжет, и драматическое действие, в котором ведущую партию исполняет хор.

Я вздохнула и задумчиво посмотрела на своего педагога.

– Вы знаете, Фёкла... – слегка запнулась Ольга Маркисовна. – У вас такой фанатичный блеск в глазах, что мне кажется, вы обязательно создадите нечто подобное.

Светка ждала меня в китайском ресторанчике на канале

Грибоедова. Я немного задержалась в консерватории и примчалась, когда она уже допивала свой остывший чай. Светка – обладательница обалденного колоратурного сопрано. Она очень бережет свой голосовой аппарат. Не пьет очень горячего и очень холодного, а на газированные напитки у нее вообще табу. «Мой Страдивари», – говорит она про свой голос и всячески холит его и лелеет. Кстати, только Светке позволено называть меня по имени.

– Привет! – чмокнула я подругу в щеку. – Извини, припоздала малость.

– Садись! – сказала Светка и махнула рукой официанту. – Я заказала суп со шпинатом и креветками и шоколадное фондю. Сигнал к сервировке – твое появление.

Я уселась на стул с подушечкой и папку с партитурами пристроила позади себя. Светка улыбалась и выглядела очень счастливой.

– Ну, давай хвастайся, – тоже заулыбалась я.

– Фёкла! Я подписываю контракт с Земпероперой¹!

– Светка, молодец! Горжусь! – захлопала я в ладоши. – А что петь будешь?

– Блонду и Илию².

– Здорово! И это только начало. Я думаю, что не за горами контракты с Венской оперой и Метрополитен-оперой, –

---

¹ *Земперопера* (нем. *Semperoper*) – оперный театр в Дрездене.

² *Блонда и Илия* – героини опер В. А. Моцарта «Похищение из сераяля» и «Идоменей».

сказала я. – А когда уезжаешь?

– Через месяц.

– Ой! – всплакнула я.

Светка две недели назад поехала в Москву на Международный конкурс молодых вокалистов и легко на нем победила. Она была гордостью нашей Питерской консерватории, лучшей студенткой кафедры сольного пения. Ее преподавателем была сама К-ая. Поэтому я не удивилась, что ей сразу же предложили контракт.

– Я привезла тебе подарок, – сказала Светка, открыла небольшой кожаный портфельчик с длинным тисненым ремнем и достала оттуда конверт. – Держи!

В конверте оказался приглашенный билет в Московскую консерваторию на первое прослушивание оперы Родиона Щедрина «Боярыня Морозова». Я решила обидеться.

– Что за намеки?

– Ты это про что? – удивленно спросила Светка.

– Про фамилию.

– Да ну тебя! – махнула рукой Светка. – И в мыслях не было! Родион Щедрин написал оперу, о которой ты мечтаешь. Без оркестра.

Я молча рассматривала билет. Внутри какой-то чертик бешено орал от счастья!

– А-а-а! – заорала я в дуэте с этим чертиком. – Значит, можно ведь! А то меня все затюкали, типа я новый жанр хочу создать и нарушить все музыкальные каноны!

– Музыкальный мир Москвы только об этом и говорит, – сказала Светка. – Все ждут премьеру. Критики уже заточили перья и приготовили блокноты. Такое событие! Сам Родион Щедрин! Хотя ты знаешь, я не поклонник его творчества.

Я это знала. Светка не любит инструментальную музыку, особенно ту, которую, как она говорит, нельзя напеть. Например, она не любит Стравинского и Шнитке. Когда мы изучали творчество Родиона Щедрина, я ей показала партитуру «Анны Карениной». Светка почитала ее и сморщила нос. Но на репетицию пришла и тихонько села возле двери. Пашка Белинский должен был тогда дирижировать, и он, когда увидел Светку в последнем ряду, сразу расправил плечи и подтянул живот. Еще бы! Сама Светлана Белозерская пришла! На мой взгляд, Пашка дирижировал безукоризненно и потом все время косил глаза на Светку, ожидая похвалы. Но Светка так же тихонько вышла и на Пашку даже не взглянула. Бедный Пашка! Как он расстроился. Он-то подумал, что она пришла на него посмотреть.

– Ничего романтического я в этой музыке не услышала, – сказала мне потом Светка. – Конечно, Майя Плисецкая своей пластикой украсит любую музыку. Может, я чего-то не понимаю, но больше такого мне не показывай.

И вот теперь я в руках держала приглашительный билет, который моя любимая подруга где-то достала, зная про мое уважение к Щедрину и про мою мечту. Я растрогалась и обняла ее.

Светлану Белозерскую я впервые увидела в малом зале нашей консерватории. Кафедра сольного пения приглашала всех желающих на концерт студентов четвертого курса. Вход был платный, но студенты консерватории заходили свободно. Нужно было только предъявить студенческий билет. Я пришла самой последней, бегать по залу уже было нельзя, и я села на свободное место в первом ряду. Напротив меня как раз стоял рояль. Когда-то он был черным, но от частых прикосновений рук на полированной поверхности просматривались светлые полосы, и от этого рояль казался седым.

К роялю подошла высокая девушка с длинными русыми волосами в платье цвета морской волны.

– Светлана Белозерская. Класс профессора К-ой, – объявила толстая дама в очках, и за рояль аккомпанировать села сама В.

Светлана исполняла романс Алябьева «Соловей». Голоса такой чистоты я не слышала ни-ког-да! Я слушала открыв рот эти невероятные рулады. Сказать, что я была потрясена, это просто банально упростить ситуацию! Я даже забыла, что нужно аплодировать. Наверное, этим я и привлекла внимание Светланы. Она как-то удивленно посмотрела на меня и начала исполнять арию Царицы Ночи из «Волшебной флейты» Моцарта. И вот тут я поняла, что в моей опере главную партию может петь только она, Светлана Белозерская, с ее потрясающей колоратурой!

На другой день после лекции по теории музыки я нашла

свободный учебный класс и села за фортепиано. В голове у меня до сих пор звучал чистый голос Светланы Белозерской, и я начала ему аккомпанировать. Таким необычным дуэтом мы вместе исполнили арию Царицы Ночи, а потом я решила точно также исполнить «Соловья». Не помню, напевала я или нет, но едва затих последний аккорд, как за моей спиной раздались аплодисменты. Я повернулась и увидела Светлану Белозерскую.

– Здорово играешь, – сказала она и подошла поближе к инструменту. – Ты на каком курсе?

– На первом, – я встала и закрыла коричневую крышку.

– На первом? – недоверчиво произнесла она. – А педагог кто?

– Ольга Маркисовна, – я почему-то покраснела.

– Ольга Маркисовна? – Светлана недоуменно посмотрела на меня. – А это какая специальность?

– Дирижирование и чтение хоровых партитур.

– Да! А я думала, ты пианистка!

– Я музыкальное училище закончила по классу фортепиано.

– А чего дальше не учишься?

– Хочу быть хоровым дирижером.

– Ого! – улыбнулась Светлана. – Не очень популярный сегодня жанр.

– Знаю, – резко сказала я и направилась к двери.

– Тебя как зовут? – спросила Светлана, когда я уже была

одной ногой в коридоре.

– Морозова, – холодно ответила я. Мне почему-то совсем расхотелось разговаривать.

– А я – Белозерская. – Она подошла ко мне и протянула руку. Я слабо ее пожала. – Пойдем поедим в китайском ресторанчике.

– Ну, пойдем, – не сразу согласилась я.

Белозерская была постоянным посетителем этого ресторанчика, поэтому ей тут же принесли зеленый чай в коричневом глиняном чайничке.

– Ты что будешь? – спросила она, открывая меню.

Я пожала плечами. Что можно понять в этих иероглифах?

– Все равно.

– Тогда на мой вкус. Согласна?

Нам принесли салат из китайских грибов, бульон «Си Ху» с мелкими кусочками говядины в горшочке, а потом Белозерская заказала шоколадное фондю. Она вела себя очень непринужденно, и я тоже постепенно перестала ершиться, но никак не могла понять, как же мне к ней обращаться. Она же не сказала, что ее зовут Светлана, а обращаться по фамилии мне было как-то неудобно.

– А ты сама откуда? – спросила она.

– Из Минска, – ответила я.

– О! А как в Питере оказалась?

– У меня бабушка на Васильевском жила, – сказала я. –

Ну и квартиру оставила.

– А я из Тюмени, – сказала Белозерская. – И нам тоже бабушка квартиру оставила на Петроградской стороне. Мы с родителями переехали сюда пять лет назад.

– Понятно, – сказала я. – У тебя такой голос, что в нем чувствуется морозная свежесть. Я никогда не слышала, чтобы так пели.

– А я никогда не видела, чтобы так слушали, – улыбнулась она, и между нами растаяли все льдинки.

Светлана стала пить чай, когда он уже стал теплым, а мне заказала еще мороженое.

– Морозова, а тебя как по имени? – спросила она. – Мы же не будем друг друга называть по фамилии, как институтки?

– Фёкла, – сказала я тихо.

– Фёкла! – повторила она с восторгом. – Вот это да! Я так и знала, что у тебя должно быть необычное имя. А я свое не очень люблю.

– Чего? – удивилась я.

– Света – как-то тупо, Светлана – как-то холодно.

– Светка, ну ты и капризная! – вырвалось у меня.

– Во! А Светка – мне нравится.

Так и повелось. Я для нее – Фёкла, она для меня – Светка.

Я показала билет Ольге Маркисовне. У нее было такое выражение лица, будто я открыла Америку через форточку.

– Хм, – сказала она и слегка перекосила лицо. – Ну, это же Родион Щедрин... Он всегда был экстравагантным.

Значит, Родиону Щедрину можно, а мне, обыкновенной

студентке, нельзя, получается! Ничего подобного! Я вам еще покажу.

Наверное, у меня так засверкали глаза, что Ольга Марки-совна даже немного отшатнулась.

– Конечно, поезжайте, – сказала она.

– Я ночным поездом туда и ночным поездом обратно, – сказала я и пообещала все внимательно послушать и потом подробно рассказать.

В Москве я была в полдень. До начала премьеры было еще два часа, но я не стала гулять по городу, а просидела в кафе возле консерватории слева от памятника Чайковскому. В Большой зал вошла с трепетом. Сухоньякая бабулька на входе внимательно изучила мой билет и любезно позволила пройти. Полчаса я гуляла по лестницам, украшенных красными ковровыми дорожками, глазела на чопорных франтов в дорогих костюмах и на дам с кожаными ридикюлями, рассматривала себя в многочисленных зеркалах и со всех сторон сфотографировала внушительных размеров белый макет Большого зала.

Зал был полон. У меня было место в десятом ряду. Моими соседями оказались итальянцы. Вот интересно, у кого из них Светка выдурила билет? Надо будет у нее спросить. Небось амуры с итальянскими тенорами крутит и морочит головы молодым певцам. Я развернула программку и прочитала:

«Родион Щедрин. «Боярыня Морозова». Русская хоровая опера в двух частях для четырех солистов, смешанного хора,

трубы, литавр и ударных. Либретто по мотивам «Жития протопopa Аввакума» и «Жития боярыни Морозовой». Первое исполнение 30 октября 2006 года. Большой зал Московской консерватории. Дирижер Борис Тевлин».

Всем и каждому из неверных, да будет Анафема!..

– Как веруешь? Поведай нам!

– Аз верую по древнему преданию святых. Два персты...

– Отрекитесь! Молю аз сам!

– Сам царь вам молвит...

– Верую по древнему преданию святых. Два персты...

– Возьмите их! Цепи возложитесь! Возьмите их!..

Сестры Боярыня Морозова и Княгиня Урусова:

– О сестра моя, не остави...

*– Вместе постраждем за старую веру именем Христо-
ве...*

– Постраждем за истину, аще смерть примем.

– В кой вере родились, в той хотим умереть...

Я смотрела на дирижера и восхищалась. Руки – крылья! Казалось, что они улетают в бесконечность и обнимают собой всех певцов. Литавры и трубы подчеркивали трагичность момента. Да, все было слаженно, все звучало, все было гармонично. Хор, как соучастник действия, произносил злые и жестокие слова царя Алексея Михайловича и других,

не поименованных в опере гонителей героинь, комментировал, свидетельствовал и жалел бедных страдалец. Щедрин прочитал житие XVII века как русские «Страсти», и потому у меня закономерно возникла ассоциация со «Страстями» Баха. Но мне как-то стало грустно. Почему хоровое пение у всех ассоциируется именно вот с таким действием? Вряд ли «Боярыню Морозову» ждет в будущем легкая сценическая судьба, тут требуется особый, нетрадиционный режиссерский подход.

Я вышла из консерватории и сразу начала звонить Светке. Она не ответила. Я посмотрела на часы – только четыре, а поезд у меня в час ночи. Немного подумав, я решила сходить в Третьяковскую галерею и посмотреть на картину «Боярыня Морозова». Ведь я толком ничего не знала об этой боярыне. До закрытия должна успеть, подумала я, и побежала по Большой Никитской в сторону Александровского сада. В Лаврушинском переулке была через сорок минут и билет купила ровно в семнадцать часов. Чтобы не бродить наугад, попросила немолодую барышню в форменном сюртуке подсказать мне, в какой зал пройти.

Меня направили в сторону основной анфилады залов. Я подошла к огромному полотну три на пять метров и стала его изучать. Первое, что бросилось в глаза, это снег. Он был до такой степени натуральным, что даже повеяло холодом. Лица людей действительно были румяными от мороза. Я посмотрела эскизы к картине, висящие слева и справа, и усе-

лась на красный пуфик в центре зала. Да! Грандиозная картина. Сразу в ушах зазвучал хор.

– Заточить их в земну темницу навечно в темь в град Боровск!..

Уморить голодом в боровской яме, в темнице смрадной, во тьме несветимой, в задухе земной, в хладе, во виах, в тесноте, в муках!..

Никой милости!..

И тут я встретилась глазами с горящими глазами боярыни и... оказалась сидящей в санях с поднятой рукой...

Я сначала не поняла, что случилось. Боковым зрением я видела пустой зал Третьяковки. В центре на паркете валялась моя сумка. Вокруг меня были люди, рядом с санями бежал мальчик. Сани вроде бы и начинали свое движение, и мальчик вроде бы тоже бежал, но мы никак не могли тронуться с места. Позади меня гаденько ухмылялся возница.

В зале появилась дамочка в форменном сюртуке, недоуменно посмотрела на мою сумку и тут же умчалась. Вскоре она вернулась вместе с охранником. Тот осторожно каким-то прибором пожуужал возле сумки, потом поднял ее и открыл.

– Кто-то потерял, – сказал он. Его голос медленно и гулко доносился до меня. – Надо позвонить. Тут паспорт и билет на ночной поезд до Санкт-Петербурга.

Они ушли и выключили свет. Кое-где мигала сигнализация, но в основном было темно. Я не могла пошевелиться. Точнее, могла, но в пределах микронной амплитуды своей высоко поднятой в символическом жесте правой руки. На меня пялились люди в шубах, телогреях, торлопах, неуклюжих сапогах и шапках. Они стояли как живые. Кто-то хохотал, кто-то сочувствовал. Меня начало тошнить от всех этих действий, которые начинались, но никак не хотели заканчиваться, снова начинались и снова не заканчивались. А еще я ощутила нарастающий УЖАС!

– Зриши ли огонь и орудия мучительны на те уготованная?..

– Что ми огнем грозиши? Огня обычного не боюся, елико трепещу вечного пламени!..

– Феодосия, царская кравчая, да сестра ей княгиня Урусова, оставьте распрю, креститесь тремя персты!..

Утром я попыталась позвать работницу галереи, которая пришла протереть стеклянные витрины, стоящие под эскизами.

– Не ори! – услышала я сзади. – Она тебя не слышит!

Я скосила глаза назад и поняла, что это говорит возница.

– Откуда знаешь?

– Давно еду.

– Что?! И когда это случилось?

– На пятнадцатой выставке³. С тех пор и еду.

– А попал как?

– Их благородие господина художника привез да залюбовался на сбрую конную. «Вот бы мне такую», – подумал, ну и сел за вожжи.

– И как ты?

– Поначалу очень туго было, чуть рассудком не тронулся, выбраться хотел. Да способа нет. А теперь что? Кому я нужен там, все родные померли поди. Вот и живу теперь на розвальнях.

– А кто-нибудь тут еще живет?

– Здесь только мы с тобой. А есть ли еще, не ведаю.

Когда была пятнадцатая выставка я тогда не сообразила, но поняла, что возница тут застрял на годы или даже на века, и ужас начал перемешиваться с паникой.

– Боже, что же делать?!

– Научись не мотать головой, – по-своему понял мой возглас возница и начал давать советы. – Не смущайся, когда тебя рассматривают. Не нервничай. А что? Раз уж так случилось. Есть не надо, по нужде ходить не надо. Живи себе. Да и мне веселее. Вдвоем все-таки.

– О, бедная боярыня с сестрой мучится... Мати моя, молись крепко, Господа ради...

---

³ Картина «Боярыня Морозова» после дебюта на 15-й передвижной выставке 1887 года приобретена за 25 тысяч рублей для Третьяковской галереи.

– Боярыня великая Морозова, царского ты рода...

Кравчая царская... У тебя чадо есть!.. Сын!.. Отрекись!..

– Люблю сына моего яко единокроден ми он есть, но не отступлю от веры. Сына моего мертва узрю, но не отступлю от веры.

– О, мати, мати моя, не остави...

– Нам, чадо, настало время подвига!..

– И послал к Ивану царь лекарей своих с ядами, с ядами...

– Тако в малых днях и гробу предаши, а царь о смерти Иванове порадовался. Так свободнее без сына матерь умучить...

Возница что-то продолжал говорить, но я уже его не слушала. Сразу вспомнились мультфильмы и кинофильмы. Еще вспомнилось, что в сказке про Мэри Поппинс кто-то жил в нарисованном мире. Кажется, это была кухонная тарелка. Там нарисованные жители могли бегать и прыгать, а самая лучшая няня всегда контролировала, кому и когда гулять. И как же мне отсюда выбраться? Судя по тому, что сказал возница, НИКАК!

Мои размышления прервал голос экскурсовода. Я не сразу сообразила, что перед картиной стоит группа людей.

– Когда мы проходим по основной анфиладе залов, мы сразу же видим эт у большую картину. И она сразу втягивает нас в своё пространство, пространство красок, пространство величины этой картины, пространство образов, – вооду-

шевленно говорила пожилая женщина со стильной короткой стрижкой. – По морозной московской улице, заснеженной, запушенной голубоватым снегом, едут сани, розвальни. В этих санях закованную в кандалы, колоды, точнее, закованную в цепи, везут боярыню Морозову. Она вся в черном одеянии, а вокруг неё шумит московская улица. За ней, за санями, за боярыней Морозовой бегут люди. Весь московский люд бежит. Здесь и ребяташки, здесь и просто любопытствующие, здесь горячо сочувствующие ей. Здесь юродивый, который повторяет этот жест боярыни Морозовой. Это нищенка, которая тянется за санями. Вся толпа соучаствует в этом событии. И мы становимся тоже невольными не просто соучастниками, свидетелями того, что видим, а мы входим в эту внутреннюю атмосферу картины.

«Да уж, входим», – подумала я и с мольбой посмотрела на женщину-экскурсовода. Наши взгляды встретились. На ее лице появилось изумление. Она жестом пригласила группу людей в следующий зал и еще раз недоуменно посмотрела мне в глаза.

А возница целый день мне что-то рассказывал. Я его то слушала, то не слушала. Меня сильно тошнило, и никак не получалось остановить дергающиеся лица. Иногда мне казалось, что они бесконечно вращаются.

*Увы мне, где в коем месте умре сын мой...
Аз есмь вина твоей смерти, чадо!*

Не узрю тебя пресладкий мой, свете!..

Плачьте со мною, все матери сынов своих...

К картине снова подошла недавняя женщина-экскурсовод. Она посмотрела мне в глаза и окликнула проходящую мимо невысокую барышню в круглых очках:

– Галина Николаевна! У меня такое чувство, что картина живет какой-то своей жизнью. Посмотрите, у боярыни Морозовой изменился взгляд. Или мне так кажется?

Галина Николаевна подошла поближе и стала меня рассматривать. Она даже сняла очки. О! Как же мне было неприятно!

– Вот и не верь слухам, что у картин есть своя собственная жизнь, – рассматривая меня со всех сторон, сказала она задумчиво. – У нас в галерее происходит что-то удивительное!

Женщины выключили свет и ушли, обсуждая увиденное.

На другой день возле картины были толпы любопытствующих. Все обсуждали изменение в облике боярыни и бесцеремонно меня рассматривали. Как они мне надоели! Я психанула и посмотрела на всех со злостью.

– О, исчадья ехиднины, вражьи души: на дыбу!

– Сломаются ваши суставы, сдробятся рuce, хребет, спина, растерзается плоть и тело покроется язвами... Отрекитесь!

– Нагих их по снегу мучить и бити немилостивна!.. От-

рекитесь!

– Вам показалось! Не говорите ерунды! – сказал наконец кто-то. – У нее по-прежнему бешеный фанатичный взгляд. Умерьте свое воображение!

Все разошлись.

– Кхе-кхе! – услышала я сзади. – На меня так не приходили смотреть.

– Не завидуй! – сказала я.

– Не завидую я. Радуюсь, – сказал возница. – Хоть какая-то жизнь началась!

– Да, – вздохнула я. – Никогда не мечтала о вечной жизни.

Еще пару дней возле картины были толпы посетителей, но потом посещения стали реже, и, по моим подсчетам, примерно дней через десять на «Боярыню Морозову» в день смотрели пять-десять человек. Все это время мы разговаривали с возницей. В основном говорил он. Это было понятно, человек пару веков с живым человеком не разговаривал. Звали его Акимом.

И вдруг в центре зала я увидела Светку! Она направлялась к картине и в руках у нее была моя сумка.

– Свете мой, еще ль дышишь, али сожгли, или удавили вас?..

Светка подошла поближе и стала рассматривать полотно.

Сначала ее взгляд скользнул по снежному следу от саней, потом перенесся на кандалы, потом проследил жест правой руки, задержался на сложенной в двуперстии длани и остановился на глазах.

– Светка! – заорала я. – Это я! Фёкла!

– Да не ори, – сказал возница. – Толку, что ты орешь.

Но я продолжала орать. И тут в Светкиных глазах мелькнуло узнавание, она в удивлении широко распахнула глаза и... я вывалилась из розвальней прямо к Светкиным ногам...

Очнулась в больнице. В двухместной палате я была одна. Возле окна в белом халате, накинутом на плечи, стояла Светка. Она задумчиво смотрела вдаль и теребила пальцем роскошный русый локон.

– Свет! – позвала я.

Она тут же подскочила ко мне и обняла.

– Фёкла! Чудо ты мое! Где ты была, что с тобой случилось?

Я разрыдалась. Обнимала Светку, рыдала и не могла остановиться. В палату заглянула медсестра.

– Пришла в себя? – спросила она у Светки. – Я сейчас доктора позову.

– Все хорошо, – прижимая меня к себе, говорила Светка. – Успокойся. Потом все расскажешь.

Вошел пожилой доктор в кипенно-белом халате, который хрустел при малейшем движении.

– Что это у нас за слезы? – по-доброму улыбнулся он.

– Это слезы радости! – всхлипывая, сказала я.

– Вы помните, что с вами случилось? – спросил он.

Я представила, как я сейчас начну ему рассказывать про жизнь в картине и что обо мне он подумает.

– Нет, – сказала я. – Не могу вспомнить. А какое сегодня число?

– Двенадцатое ноября, – ответил доктор. – Вы пока отдохайте. Завтра поговорим.

– А можно мне остаться на ночь? – спросила Светка.

– Я не вижу в этом необходимости, – ответил доктор. – Но если вы хотите, то оставайтесь.

– Спасибо.

Доктор улыбнулся мне и вышел.

– Ты можешь рассказать, что с тобой произошло? – спросила Светка. – Я чуть с ума не сошла!

– Давай сначала ты, – попросила я.

– Я? – удивилась подруга. – Ну, ладно. Когда ты мне звонила, я была занята. Перезвонила через два часа. Мне ответила женщина и сказала, что в Третьяковской галерее нашли твою сумку со всеми документами и билетом на обратную дорогу. Мы договорились связаться через некоторое время. Вдруг ты потеряла сумку и за ней вернешься. Но ты не вернулась. На другой день я пошла искать тебя в консерватории. Спрашивала осторожно. Но никто тебя не видел. Тогда я начала обзванивать все морги Питера. Даже в один приехала

на опознание. Там какую-то похожую девушку нашли.

– О Боже! – с ужасом сказала я.

– Да-да. Представь себе, что я чувствовала. Мне тут в Германию ехать надо, а у меня единственная подруга пропала! Потом я поехала в Москву. Пришла в Третьяковку, чтобы забрать вещи и пойти в полицию. Спросила, где они нашли вещи. Возле «Боярыни Морозовой», говорят. Понятное дело, думаю. Куда ж ты еще могла пойти. Подхожу к картине и вижу, что у боярыни твои глаза! И тут тебя как от стенки отлепили и на пол бросили!

Я молчала. У меня снова полились слезы. Светка села рядом на кровать и взяла меня за руки.

– Ну, не плачь, дорогая моя! Все уже позади. Я поняла сразу, что случилось что-то необычное. И у меня хватило ума не поднимать панику. Ты была без сознания. Я позвала работников галереи, сказала, что девушке, наверное, стало плохо от переизбытка эмоций. Вызвали «скорую», и я с тобой приехала сюда. И только тут показала твои документы. Сказала, что тебе стало плохо в Третьяковке и ты упала в обморок. Вот такая история. А теперь рассказывай, что случилось?

– Светка! Ты не поверишь! – вытирая слезы, сказала я.

– Поверю, – сказала она твердо.

И я ей все рассказала. Светка все выслушала и обняла меня:

– Фёкла, с тобой всегда случается что-то необычное. Я по-

нимаю, что ты пережила сильное потрясение. Но все закончилось уже. Возвращайся к нормальной жизни и не заставляй меня волноваться. А то я петь плохо буду.

Мы попили чаю с дежурной медсестрой, и потом Светка уснула на соседней кровати. А я долго не могла успокоиться. Уснула только под утро с мыслью, что Светка, наверное, не поверила ни одному моему слову.

Через три дня меня выписали. Доктор не нашел у меня никаких отклонений от нормы. Сказал, что я пережила очень сильное эмоциональное потрясение, и посоветовал хорошо отдохнуть. Знал бы он, какое потрясение я пережила! Я позвонила Ольге Маркисовне и сказала, что болею. Она меня немного отругала за то, что я только через десять дней объявилась, и пожелала быстрее выздоравливать.

Два дня я отсыпалась на любимом бабушкином диване в своей квартире на Васильевском. Постепенно забывалось это «житие» в картине, и мне уже начало казаться, что это был просто сон. Вспомнилась бабушка. Ее отец был родом из Сибири, и он ей рассказывал, что недалеко от их деревни была община староверов. И тут я поняла, что ничего не знаю ни о той эпохе, ни толком о самой боярыне Морозовой, да и о картине Василия Сурикова мои знания были поверхностными.

Я ходила в библиотеку Санкт-Петербургской филармонии и взяла книги «Жития боярыни Морозовой, княгини Урусовой и Марии Даниловой» и «Жития протопопа Авва-

кума». Когда я попросила найти мне эти книги, библиотекарьша недоуменно вылупилась на меня:

– Зачем это вам?

– Родион Щедрин написал оперу «Боярыня Морозова», – ответила я. – А либретто он написал по мотивам этих книг.

Дома я внимательно все изучила. В книге Аввакума были еще письма к своим духовным дочерям Морозовой и Урусовой и его же «Слово плачевное о трех исповедницах».

Но в опере Родиона Щедрина образ главной героини, знаменитой раскольницы Феодосии Морозовой, был независим и от интерпретации Василия Сурикова, и от того портрета, который создал в житийной повести Аввакум. Морозова у Сурикова – это несокрушимый дух и фанатичная вера. Описание боярыни Аввакумом было очень поэтично: «Персты рук твоих тонкокожны, очи твои молниеносны, и кидаешь ты на врагов аки лев». В «Житии» образ Морозовой был наиболее многогранен: она представлялась и как святая, и как обычный человек. Она даже испытывает страх: «Феодора же в мале ужасшися, разуме, яко мучители идут...». Щедрин же высвечивал лишь главные черты ее образа: мужество, стойкость в вере и любовь, нежность к сестре и сыну.

Думаю, что идею этой оперы Щедрин вынашивал многие годы. Интересно, когда он решил отказаться от оркестра? Когда он решил, что опера должна быть хоровой? Вообще Родион Щедрин жанр оперы не очень жалует – за последние десять лет он создал только оперу «Очарованный

странник». В газетах писали, что ее мировая премьера состоялась в Америке, в нью-йоркском концертном зале Эвери Фишер-холл.

У меня в книжном шкафу лежал большой иллюстрированный альбом «Шедевры Третьяковской галереи». Я его листила еще в детстве, а потом забросила, и он лежал на самом верху. Стряхнув с него пыль, я нашла описание картины Василия Сурикова и начала читать:

«Раскол... Вот смысл, идея, сюжет великой картины. Тяжелые сани, на которых везут закованную в кандалы «царскую тетку», раскалывают толпу, как реформы патриарха Никона раскололи русский народ. Несомненно, работа посвящена великой бунтарке, непокорной боярыне, родственнице самого царя. Лицо героини мертвенно бледно, руки бескровны. Отчаянный жест перед иконой Богородицы – последняя попытка отстоять «старую» веру. Вокруг ссыльной боярыни собрались москвичи. По-разному они провожают раскольницу. Слева от нее группа дьячков, которые весело хохочут, наблюдая за «крамольной бабой». Они на стороне власти, поэтому уверены в справедливости происходящего».

Тут позвонил Пашка Белинский и попросил меня прийти к нему на академконцерт «для поддержки штанов»:

– Твои глазищи на меня положительно действуют, – сказал он. – Я тогда ничего не боюсь.

Я решила продолжить чтение в дороге и засунула альбом себе в сумку. Пашка дирижировал «Младу» Римского-Корсакова. Мне очень понравилось. Он так красиво работал своей палочкой, что я залюбовалась. Пашка будет замечательным дирижером! Даже было видно, что оркестранты его уважают. Вообще Пашка из семьи потомственных музыкантов. Сам Александр Гаук⁴ был ему каким-то родственником. Наверное, поэтому Пашка больше любит дирижировать балетные спектакли.

– Молодец! – сказала я, когда мы пошли в буфет и отметили успех двумя стаканами томатного сока.

– Спасибо! – Пашка вытер салфеткой красные усы над губой. – Ты, говорят, на премьере в Московской консерватории была?

Я кивнула.

– Ну, хвастайся, – сказал Пашка и вылил мне в стакан остатки сока из пакета.

– Интересная трактовка. Хорошая хоровая опера. – сказала я. – Но как-то мрачно все. Мне бы хотелось, чтобы хоровая опера была светлой, праздничной. Но она была похожа на «Страсти» Баха. Вряд ли ее когда-нибудь поставят.

– Морозова, у тебя все впереди, – серьезно сказал Пашка. – Когда напишешь, чур, мне первому почитать!

---

⁴ Гаук Александр Васильевич – советский дирижер, с 1923 по 1931 работал в Ленинградском театре оперы и балета, дирижировал в основном балетными спектаклями.

– Хорошо! – улыбнулась я. – Но только после Белозерской.

– Ну, тут я вообще снимаю шляпу, – сказал Пашка. – Согласен.

– Я уже представляю себе, что первое прослушивание будет в Большом зале филармонии, а Белозерская будет исполнять главную партию.

– Идея для либретто есть? – спросил Пашка.

– Нет, – вздохнула я. – Пока только идея о филармонии. Я туда в детстве с бабушкой часто ходила.

И я стала рассказывать Пашке о своей бабушке. Она была знакома с самим Ираклием Андрониковым. В книжном шкафу у нее особое место занимали книги с его автографами. Она рассказывала, что часто слушала устные рассказы Ираклия Луарсабовича и по телевизору, и в самом зале филармонии. Особенно нам с ней нравился рассказ «Первый раз на эстраде» Он начинался словами: «Основные качества моего характера с самого детства – застенчивость и любовь к музыке». Ну точно про меня. Я была очень застенчивой, а еще это дурацкое имя... Но если Ираклий Андроников постеснялся признаться родителям и даже самому себе в том, что больше всего на свете он любит музыку, и поступил в университет, а не в консерваторию, то я сразу родителям сказала:

– Пианисткой не буду! Только хоровое пение!

Уж не знаю, почему я так решила, но не жалею. Родителям тогда не до меня было. Они находились в стадии развода. В

результате поругались со всеми – и со мной, и с бабушкой. С мамой мы потом помирились, а отец уехал в Италию и не считал нужным вообще давать о себе знать. Мама осталась жить в Минске, а я перебралась к бабушке в Питер. Родительские распри очень сильно пошатнули ее здоровье, и она умерла через полгода после того, как я переехала. Так что я стала обладателем чуть ли не музейной квартиры. А у мамы появился новый муж, и у нее начался новый положительный виток в жизни.

У меня поначалу не складывались отношения с сокурсниками. Стеснялась я очень. Первым со мной стал дружить Пашка Белинский. Это случилось после того, как я, по его словам, ему подсказала глазами.

– Ты так зыркнула на меня, – сказал он тогда, – что я сразу все вспомнил!

А мое воображение снова и снова рисовало мне Большой зал филармонии, и перед началом первое слово говорит Ираклий Андроников. Нет. Сам Иван Иванович Соллертинский⁵! В рассказе «Первый раз на эстраде» Андроников так красочно изображал этого знаменитого музыковеда, что я прямо влюбилась. Был еще рассказ «О Соллертинском все-рлез», где перечислялись все его знаменитые монографии. Соллертинский дружил с Дмитрием Шостаковичем и очень

---

⁵ *Соллертинский Иван Иванович – советский музыковед, театральный и музыкальный критик. С конца 1920-х был лектором Ленинградской филармонии и её советником по репертуру. В 1934–1941 годах он работал также в издательстве при филармонии, впоследствии стал её художественным руководителем.*

повлиял на развитие его творчества. В училище я с сокурсниками играла Второе фортепианное трио Шостаковича, посвященное памяти Соллертинского. А у бабушки были две монографии Ивана Ивановича «Симфонические поэмы Рихарда Штрауса» и «Заметки о комической опере», которые ей опять же подарил Ираклий Андроников.

Пашка все выслушал и взъерошил темные прямые волосы.

– Морозова, – сказал он. – Ты сначала напиши оперу, а потом решай, какой лектор будет ее представлять. Может, это буду я. Или Белозерская. Или наша Ольга Маркисовна.

Я улыбнулась. Хорошие у меня все-таки друзья. И очень талантливые.

Мы допили сок. Пашка побежал на репетицию, а я пошла в класс повидать Ольгу Маркисовну. Ее на месте не было. Я уселась на стул возле окна, достала из сумки альбом и продолжила читать:

«Как Леонардо да Винчи долго искал прототип для Иисуса Христа в картине «Тайная вечеря», так долго не мог найти и Суриков «лицо» боярыни Морозовой. Редко встречаются в жизни такие лица, а люди, подобные мятежной боярыне, встречаются еще реже. Четыре года работал художник над своей самой гениальной картиной. Сотни этюдов, тысячи зарисовок, сотни тысяч исправлений, постоянные поиски. Результат принес мастеру бессмертие».

Я перевернула страницу. На развороте была очень качественная репродукция картины. Я начала ее рассматривать, посмотрела в глаза боярыне и...

– О нет!!! – закричала я и снова оказалась сидящей в санях с поднятой в крестном знамении рукой.

– Ах, постраждем, сестро, вкупе о имени Христове...

О, сестро, отпусти меня к владыке моему...

Аз изнемогаю и мню я, что к смерти близко...

Иди, цвете, сестро, иди и предстани возжеланному Христу...

– Ну, здрав будь! – услышала я за спиной.

– И тебе не хворать, Аким, – сказала я.

– Что, не получилось выбраться? Я ж говорю, обратно – никак!

«Нет, – подумала я, – обратно, оказывается, можно. Просто нужно, чтобы тебя кто-то узнал!» Я начала лихорадочно соображать. Узнать меня может только Светка. Но она уже в Дрездене. Может, догадается посмотреть на картину, когда меня в розыск объявят. Но на это нужно время. Месяца два-три, наверное. А то и больше. Шанс невелик, но он есть. Это меня как-то успокоило, и уже не было такой паники, как первый раз. Просто потом больше никогда не буду смотреть на эту картину, и даже альбом отдам кому-нибудь. Да и с Аки-

мом веселее, не так крышу будет сносить.

– А я уж было заскучал без тебя, – радостно продолжал Аким. – Даже, если бы ты и не вернулась, все равно ты меня счастливым сделала!

– Спасибо, Аким! – искренне сказала я. – Ты тоже мне очень помог.

Я снова видела зал Третьяковской галереи, снова меня рассматривали посетители и заглядывали мне в глаза. Я их не разочаровывала и яростно зыркала. Но пока ни одного знакомого лица не видела. С Акимом мы все время беседовали. Он рассказывал мне и о своей жизни у барина, правда, фамилии уже не помнил, и про господ художников, которых он частенько привозил в имение. Барин был знатным резчиком по дереву и гравером и происхождение имел немецкое. Я удивилась, что Аким хорошо разбирается в живописи.

– Вот глянь-ка на лики написанные, – говорил он мне. – Тут же нет ни одного счастливого лица. О ссыльной скорбят и боярышни в богатых шубках, и старушки, и девушки из народа. А бедная молодая монахиня! Гляди-ка, с каким ужасом смотрит.

– А вот же дети смеются, – возразила я.

– Да что взять с неразумных младенцев, – ответил Аким. – Они весело хохочут, потому что подражают взрослым. А другие смотрят на боярыню со страхом, кандалы их пугают на боярских руках. А глазщици у нее! Прямо как у тебя!

– А вот там лица вроде татарские?

– Да. Татары это. Гляди, как внимательно и уважительно смотрят. А вот там стоят староверы. Единоверцы боярыни ничем себя не выдают.

– Но в глазах у них столько страха и тревоги, – сказала я. – Видно, что переживают за свое будущее. А юродивый без всякого страха повторяет «преступный» жест.

– Да. Он не боится, – согласился Аким. – Ему-то чего бояться! Он же блаженный. Но этот жест он делает потому, что очень уважает боярыню.

Так прошло два дня. Я рассказала Акиму о консерватории, о том, как я оказалась в Третьяковской галерее и про свою подругу Светку, которая меня узнала. А оперу даже попыталась напеть. Получилось плохо. Тогда я просто рассказала ему либретто.

– Сдохла одна, злая злодеяца...

Вот мое повеление:

Погребите тело Феодорино в остроге за оградой...

А Морозовой ни есть, ни пити не давати!

– Умилосердися, рабе Христов, зело измогах от глада.

Даждь ми калачика...

– Ни, госпоже, боюся...

– А ты дай мне хлебца, рабе Христов.

– Не смею.

– Сотвори добро, чадо, и любовь, рабе Христов, молю тебя, молю!

*Аз жєницина я єсмь, ступай на речєнку да измьй мне ру-
баху мою.*

– Не смею.

*– Неподобно ми в нечисте возлежиши в недрах матери
своя земли...*

Господи, прими мя...

– Успе блаженная Феодора с миром...

*– О, православные, соберитесь матери и девы и рыдайте,
плачьте и горче рыдайте со мною. Упокой души их, Господи.
Во веки веков, Аминь...»*

Когда наступила третья ночь, Аким попросил меня что-
нибудь спеть:

– Ты же музыке учишься. Порадуй!

*– Так я же на рояле играю и дирижирую, – сказала я. – А
пою я плохо.*

– А мне все хорошо будет!

Я задумалась. Надо бы человеку что-нибудь веселое и та-
кое, чтобы он радовался, когда пел. И я запела Высоцкого:

*В заповедных и дремучих, страшных Муромских лесах
Всяка нечисть бродит тучей и в проезжих сеет страх.
Воет воем, что твои упокойники.
Если есть там соловьи – то разбойники.
Страшно, аж жуть!*

Как Аким смеялся! Мне даже показалось, что на лицах

наших картинных соседей появилось недоумение. Через час мы с ним уже хором орали. Аким быстро запомнил слова и с восторгом их повторял:

*И теперь седые люди помнят прежние дела –
Билась нечисть грудью в груди и друг друга извела.
Прекратилось навек безобразие,
Ходит в лес человек безбоязненно.
И не страшно – ничуть!*

Ночью к «Боярыне Морозовой» два раза подходил охранник. Он недоуменно светил фонарем нам в лица, осматривал красные скамейки в середине зала, пожимал плечами и снова уходил. Утром на нас глазели все сотрудники галереи. Мы с Акимом заняли исходные позиции: он гаденько ухмыляется, я фанатично сверкаю глазами.

– Я вам точно говорю, здесь стоял гомерический хохот, – говорил охранник. – Тихий такой, но в ночной тишине его было слышно. Знаете, вот как будто хохотали басом в замедленной съемке. Звуки были растянутые такие. Но я отчетливо их слышал.

– Это уже второй случай с этой картиной, – сказала знакомая мне Галина Николаевна. – Может, батюшку нужно пригласить?

Я еле сдержалась, чтобы не заржать.

Целый день возле нас толкались люди. Как же они мне надоели! Все норовили заглянуть мне в глаза. Хорошо, что воз-

ле картины стояли ограждающие столбики, а то особо рьяные пытались даже дотянуться и потрогать снег на картине. К закрытию галереи меня уже сильно тошнило. Если бы не Аким, я бы точно потеряла сознание, если так можно выразиться о картинном персонаже.

И вдруг я снова почувствовала, что меня кто-то рассматривает. В галерейном зале перед картиной никого не было, но я чувствовала, что мне заглядывают в глаза. Я сосредоточилась и увидела Ольгу Маркисовну.

– Аким, прощай! – только и успела я крикнуть и оказалась на полу в учебном классе консерватории.

Ольга Маркисовна сидела на стуле возле окна и в руках держала «Шедевры Третьяковской галереи». Меня она заметила не сразу. Я больно ударилась головой об ножку фортепиано и села на паркете, потирая место ушиба. В классе были еще две мои сокурсницы, и они тоже заглядывали в альбом.

– Морозова! – вскочила Ольга Маркисовна. – Как вы здесь оказались?

Она и две девочки подбежали ко мне и попытались меня поднять. Я молчала, продолжала сидеть и держать себя за голову. Тошнило невероятно. И я опять потеряла сознание.

Очнулась в нашей студенческой больнице. Возле кровати на стуле сидела Ольга Маркисовна. Медсестра убрала капельницу и вышла.

– Морозова!.. Фёкла. – тихо сказала Ольга Маркисовна. – Разве можно так пугать! Вы же еще не выздоровели, зачем

вы пришли на занятия?

– А что со мной? – спросила я.

– Пока не понятно. У вас очень низкое давление и температура... – Ольга Маркисовна запнулась. – Ниже нормы.

– Понятно, как у покойника, – тихо сказала я.

Оно и не удивительно. Картинные персонажи ведь неживые. Я подумала, вот что бы было с Акимом, если бы он сейчас выпал из картины? Наверное, сразу же бы умер. А если бы я дольше проторчала в санях в образе боярыни? Об этом думать не хотелось.

– Все будет хорошо, – сказала мой педагог. – А вы мне так и не рассказали об опере.

– Хорошая музыка, – сказала я. – В стиле Родиона Щедрина, но слишком тяжелое либретто, на мой взгляд. Некоторые музыковеды выходили из зала в недоумении. Я думаю, что и критики в растерянности.

– Ну а как вам сама идея хоровой оперы? – улыбнулась Ольга Маркисовна.

– Я не о таком действе мечтаю, – сказала я. – Все должно быть гораздо светлее. Мне хочется, чтобы зрители выходили из зала с ощущением праздника. А это были русские «Страсти».

– В газете «Культура» пока ничего не писали. Может, в следующем номере напечатают. И в интернете пока тоже ничего нет, – сказала Ольга Маркисовна и подняла с пола мою сумку. – Это вы забыли, наверное?

Я молчала.

– Мы нашли ее под стулом возле окна в классе, – продолжала Ольга Маркисовна. – Девочки сказали, что видели вас, когда вы заходили в класс. В сумке был этот альбом. Начали его смотреть и на развороте увидели «Боярыню Морозову». Я сказала, что вы поехали на первое прослушивание оперы Родиона Щедрина и заболели. Мы хотим вас попросить выступить перед студентами и преподавателями и все подробно рассказать. И даже спеть. Так что выздоравливайте.

Я кивнула. Надо будет попробовать. Ведь пора уже прекращать смущаться. Ольга Маркисовна открыла альбом.

– Вы знаете, у вас глаза как у Боярыни Морозовой, – сказала она, показывая мне картину на развороте.

Я зажмурилась.

– Никогда мне этого не показывайте! – закричала я и начала плакать. – И вообще, этот альбом можете забрать себе!

Ольга Маркисовна перепугалась и побежала за доктором. Доктор, седовласый с добрым лицом, сел возле меня, взял за руку и начал успокаивать. Потом примчалась медсестра со шприцом и уколола мне что-то успокоительное. Но я продолжала рыдать. Я не хотела больше попадать в картину! Пусть я там даже не одна, а с Акимом, но сидеть неподвижно и ждать, когда тебя кто-нибудь узнает! Это просто чудо случилось, что меня узнала Ольга Маркисовна. А больше-то ведь некому!

Постепенно я успокоилась. Ольга Маркисовна ушла, за-

брала альбом и пообещала завтра прийти меня проведать. Целую ночь мне снилась картинная толпа. Она меня уговаривала вернуться, потом начала петь хоровые отрывки из оперы, причем так дружно, что я вскочила и закричала. Прибежала дежурная медсестра и снова дала успокоительное.

Я немного успокоилась и даже задремала. Утром доктор у меня стал спрашивать, что же случилось. Спрашивал ласково и держал за руку, прощупывая пульс.

– Мне все время снится, что я сижу в картине, – сказала я. Нельзя же говорить ему правду. – И мне там страшно. Я хочу выбраться, но опять туда попадаю.

– Так не бывает. В картину попасть нельзя, – улыбнулся доктор. – Давайте будем думать о светлом и хорошем. Вот о чем вы мечтаете?

«Нельзя попасть? – подумала я. – На вашем месте, доктор, я бы так не говорила. Попала я. Ох как попала!»

– Я мечтаю написать красивое и светлое музыкальное произведение, – сказала я. – Оно должно быть только хоровым. Без оркестра.

– Ну вот видите! – сказал доктор. – Такая светлая мечта – и такое плохое настроение. Как же вы напишите свое произведение?

Я слабо улыбнулась.

– Давайте отдыхайте, – тоже улыбнулся доктор. – А завтра мы снова поговорим о вашей мечте.

Доктор ушел. Вскоре заглянула дежурная медсестра и

пригласила на завтрак. Есть не хотелось, но я все равно потихоньку пошла в столовую, придерживаясь за стены. Выпила два стакана мутного сладкого чаю и вернулась в палату. В трехместной палате я была одна, поэтому никто мне не мешал и не лез с разговорами. Да. Надо все забыть как страшный сон и никогда не смотреть на эту картину. Ольге Маркисовне ничего говорить не буду, а Светку все-таки предупреджу.

Днем в палату забежал Пашка с апельсинами и цветами.

– Морозова, держи ромашки! – радостно заорал он. – Не смог пройти мимо, забрал все.

Я засунула огромный букет в уродливый графин и водрузила его на подоконнике. Сразу запахло летом и счастьем. Пашка неловко обнял меня и чмокнул куда-то в волосы за ухом.

– Морозова, ты вот это... прекрати... болеть, – смущенно сказал он. – А то как же я без тебя! Мне твои глазищи ой как нужны.

Я тоже обняла его и вдохнула запах канифоли с его рубашки. Пашка закончил музыкальное училище по классу скрипки и часто приходил в консерваторию со своим инструментом. Наверняка сегодня он канифолил смычок и играл. Мы постояли так немножко, потом подумали и поцеловались.

– Я пошел, – сказал Пашка. – А ты давай, обдумывай свою оперу.

Я легла на кровать и долго с улыбкой рассматривала пото-

лок. Постепенно рассеивались лица с картины и забывались. Где-то в голове еще стучала мысль – вот попала так попала, но я ее быстро отбросила. Все. Стоп. Теперь все мысли на творчество. Наверное, напишу я комическую оперу. Без оркестра, естественно. Чтобы она была по своему содержанию легкой, с незамысловатой, но увлекательной фабулой из повседневной жизни. Ее героями будут красивые парни, наивные и прекрасные девушки. Пусть это будут студенты или школьники. Пусть на премьеру моей оперы придут молодые люди как на праздник и уйдут с хорошим настроением.

И пусть они никогда никуда не попадают!

Николаевка

Январь 2017

Сказка о последнем желании

– Мне скучно, Бес!

Бес поставил игру на паузу. С трудом отвел глаза от монитора, развернул кресло и уставился на Сэма.

Сэм продолжал ходить из угла в угол. Бес с полминуты понаблюдал за ним, глядя поверх очков, и снова повернулся к монитору.

– Бес! Мне скучно!

Бес еще раз поставил игру на паузу и посмотрел на Сэма:

– Дальше.

– Что дальше?

– Я так понял, ты хочешь почитать мне «Маленькие трагедии» Александра Сергеевича.

– Нет. Мне просто скучно.

– А... Ну займись чем-нибудь. – Бес почесал кривым ногтем острое ухо и снова уткнулся в монитор.

– Беспер! Я к тебе обращаюсь!

Бес раздраженно ткнул длинным пальцем в клавиатуру:

– Что?

– Мне скучно.

– Мне спеть гимн какой-нибудь страны или постоять в почетном карауле?

– Придумай что-нибудь! У меня воображения не хватает.

– Я устал тебя развлекать. Почему-то мне не бывает скуч-

но.

– Конечно. Ты же все время то в своих «стрелялках», то какие-то сказочные цивилизации строишь.

– А кто тебе мешает строить цивилизации?

– Мне скучно...

Бес развел руками и снова вернулся к игре.

– Беспер!

Бес в сердцах нажал на паузу:

– Послушай, Самаэль! Ты мне не начальник уже больше тысячи лет! Ты взрослый и самостоятельный демон. Развлекай себя сам. Я ведь нашел себе занятие. Шахат тоже не скучает, вон с архитекторами какие креативные здания строит. Давэр с фармацевтами изобретает новые вакцины против своих же эпидемий. Габриэль тоже при деле. Один ты у нас ленивый! Вся скука от лени.

Сэм вздохнул:

– Ну хотя бы поговори со мной.

– О чем?

– Придумай мне занятие.

– Я тебе уже столько раз придумывал.

– Ну придумай еще.

– Хорошо. Но это в последний раз.

Бес оттолкнулся ногой от стола и на кресле подъехал к барной стойке из красного гранита.

– Виски будешь? – спросил он, открывая бар.

– Давай.

Бес достал «Grant's» и ловко свинтил крышку с треугольной бутылки. Затем из морозильника вытащил ведро с колотым льдом.

– Откуда такая прелесть? – спросил Сэм.

– Раф подогнал.

– Рафаэль?!

– Я ж говорю, все при деле. Живем нормальной жизнью. Потихоньку искушаем, но без фанатизма. Этим и развлекаемся. Не понимаю, почему тебе скучно.

– Не знаю...

– А я знаю. Привык ты быть начальником. Только и делал, что пугал грешников зазубренным ножом. А когда срок твоего предназначения закончился, пять веков пролежал на диване и совсем обленился.

Сэм вздохнул:

– Однажды я дал трем просителям столько золота, что они не могли его ни унести, ни спрятать. Я с удовольствием наблюдал за тем, как они пытались решить задачу, у которой нет решения.

– И долго ты так развлекался?

– Нет. Потом пришли разбойники и испортили мне все веселье.

Бес захохотал и пролил немного виски на желтый кожаный жилет:

– Насколько я помню, с разбойниками потом Али-Баба разобрался. Глупые твои просители были. Чем умнее проси-

тель, тем веселее получаютя шутки.

– А я смотрю, ты со своими дружишь.

– Конечно! Это дьявольски умные ребята. Такие игры разрабатывают! Тестировать их одно удовольствие. Потом геймеров сутками из игры не вытащишь. Вот это развлечение! А ты все по старинке золотом искушаешь.

– Магия золота не подчиняется никаким законам. Люди всегда хотят заполучить как можно больше золота.

– Сэм, ты мыслишь инертно. Пойми, люди изменились. Есть, конечно, экземпляры с неустойчивой психикой. Но поверь мне, многие вместо драгоценного металла предпочитают новейшие достижения науки и техники. Вспомни нашего старика Хоттабыча. Даже он уже отказался от верблюдов и изобретает навигационные приборы для космических кораблей.

– Да, – задумчиво сказал Сэм. – Я вот приобрел себе недавно новый внедорожник. Там тоже хорошие навигационные приборы.

– Вот видишь! А их, между прочим, люди делают. Не без нашей помощи, конечно. А ты до сих пор какой-то несовременный. Ничем увлечься не можешь.

Сэм вздохнул и залпом выпил виски:

– А знаешь, – сказал Бес. – Есть у меня идея. Попробуй. Может, сможешь вылечить скуку.

* * *

Десятиклассник по имени Тот сидел на берегу и смотрел, как его одноклассники бросают камешки в воду.

– У меня рекорд! – закричал один из них. – Мой камешек восемь раз выскочил из воды!

– Давайте состязание устроим, – предложил кто-то. – Победившему все скидываются на конфеты!

– Будешь играть? – спросили у Тота.

Тот пожал плечами.

– Я подумаю, – сказал он.

Мальчишки побежали собирать камешки. Потом они начали обсуждать правила игры и расчищать площадку на берегу. Тот очень хотел играть, но он понятия не имел, как нужно бросить камушек в воду, чтобы он скользил по поверхности воды, выныривая несколько раз. Тот не любил своих одноклассников. Они постоянно подшучивали на нем и смеялись. К окончанию школы Тот уже четко понимал, что он их просто ненавидит. А тут еще это дурацкое состязание, где он точно проиграет и опять станет объектом для насмешек.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.